

Концепция взаимоотношения власти и личности в Конституции Российской Федерации: итоги развития и современные проблемы

*Мерешкин Д. Е., Разуваев Н. В.**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *nrasuvaev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены некоторые аспекты концепции взаимоотношения власти и личности, принятой за основу в Конституции Российской Федерации 1993 г. Как показывают авторы, данная концепция определяет принципы взаимодействия человека и государства в экономической, социально-политической, культурной и иных сферах жизни общества. Одновременно она является идейным фундаментом общественного и государственного строя в Российской Федерации. Как показано в статье, комплекс идей, воспринятых Конституцией Российской Федерации, имеет универсальное значение и общечеловеческую ценность. Вместе с тем в любом обществе существуют свои объективные предпосылки, влияющие на реализацию конституционных положений в конкретных отношениях.

В работе обсуждаются дискуссионные вопросы, имеющие научное и практическое значение в условиях информатизации современного российского общества. Одной из наиболее важных проблем является защита частной жизни, личной информации, а также личной и семейной тайны. Рассматривается «право на забвение», гарантированное законодательством ряда стран, в том числе российским законодательством. Как показывают авторы, реализация данного права связана с серьезными трудностями, обусловленными отсутствием законодательных механизмов его реализации. В частности, требуют осмысления методы разрешения коллизии права на забвение и права на свободу информации, гарантированного Конституцией Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, суверенитет человеческой личности, эпоха Просвещения, социальная эволюция, приоритет международного права, конституционные права и свободы, «право на забвение»

Для цитирования: Мерешкин Д. Е., Разуваев Н. В. Концепция взаимоотношения власти и личности в Конституции Российской Федерации: итоги развития и современные проблемы // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 17–27.

The Concept of the Relationships of Power and Person in the Constitution of the Russian Federation: Results of Development and Contemporary Problems

*Dmitriy E. Mereshkin, Nikolay V. Razuvaev**

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; *nrasuvaev@yandex.ru

ABSTRACT

This article examines some aspects of the relationship of power and person, adopted the Constitution of the Russian Federation 1993 year. The authors show that this concept defines the principles of human interaction and the State in economic, socio-political, cultural and other spheres of society. At the same time, it is the ideological foundation of the social and political system in the Russian Federation. As shown in the article, the set of ideas, the Constitution of the Russian Federation, having universal significance and universal value. However, in any society, there are certain objective conditions that affect the implementation of constitutional provisions in specific ways.

The paper discusses discussion issues of scientific and practical importance in the context of the informatization of modern Russian society. One of the most important challenges is to protect the privacy of personal information as well as personal and family secrets. Considered the "right to be forgotten", guaranteed by the legislation of a number of countries, including the Russian legislation. As the authors show, the implementation of this right is associated with serious difficulties due to the lack of legislative mechanisms for its implementation. In particular, require a reflection on how to resolve conflicts of right to oblivion and the right to information guaranteed by the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, the sovereignty of the human person, the Age of Enlightenment, social evolution, the primacy of international law, constitutional rights and freedoms, the "right to be forgotten"

For citing: *Mereshkin D. E., Razuvaev N. V.* The Concept of the Relationships of Power and Person in the Constitution of the Russian Federation: Results of Development and Contemporary Problems // Administrative consulting. 2019. N 10. P. 17–27.

Всенародное голосование по принятию российской Конституции, состоявшееся 12 декабря 1993 г., стало переломной вехой в развитии нашей страны. Действующая Конституция не только заложила основы общественного и государственного строя, но и сформулировала принципиально новую (в сравнении с предшествующим советским периодом) концепцию взаимоотношения власти и личности, в которой именно личности отдается безусловный приоритет. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ, права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека принадлежат к числу важнейших обязанностей государства¹. Цель настоящей статьи состоит в рассмотрении основных идей, составляющих содержание данной концепции и некоторых ее проблемных моментов, обусловленных реалиями XXI в.

Нормативное закрепление этих идей в Конституции, являющейся основным законом страны, представляется исключительно важным фактором развития современного российского общества. Можно согласиться с мнением Е. В. Титовой, по словам которой: «Именно конституционное право, традиционно сочетающее в себе правовое и политическое начала, и более того — обладающее возможностями для установления баланса между правом и политикой, должно сформировать синтезированную концепцию взаимодействия личности и государства» [11, с. 70].

Одновременно нельзя забывать и о том, что концепция взаимоотношения власти и личности стала итогом длительной идейной и политической борьбы, в ходе которой примат прав и свобод человека медленно, с немалыми трудностями, завоевывал признание на законодательном уровне. Более того, до сих пор находятся авторы (в том числе, к сожалению, и некоторые юристы), стремящиеся оспорить его под предлогом несоответствия сформулированных в Конституции РФ прав и свобод «этнокультурной идентичности» российского общества, «исторической самобытности русского народа» и т. п. Очевидна несостоятельность подобных утверждений, опровергнутых самим ходом мировой истории, чей вектор направлен в сторону глобализации и сближения национальных правовых систем на основе всеобщего признания основных прав и свобод человеческой личности.

Концепция взаимоотношения власти и личности вобрала в себя важнейшие достижения конституционного развития не только России, но и стран континенталь-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). С учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

ной Европы, а также англосаксонского мира. Движение в направлении конституционного закрепления основных прав и свобод человека началось, как известно, еще в эпоху Просвещения, когда стало утверждаться непреходящее значение человеческой личности, выступающей тем фундаментом, на котором основан социальный порядок. Вот почему в любой стране именно с признания и защиты прав человека начинается формирование реальных конституционных механизмов, регулирующих взаимодействие государства, общества и индивида.

Известно, что основой современного конституционализма (с его принципом приоритета прав человека) стали идеи, развернуто сформулированные в трудах таких философов, как Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др. [4; 6; 10]. Именно они впервые выдвинули и обосновали принципы политической свободы, народного суверенитета, разделения властей, неотчуждаемых естественных прав, неприкосновенности личности и собственности, то есть все те положения, которые составляют содержание конституционного строя в любом демократическом правовом государстве. Именно в таком государстве, полагал Дж. Локк, господствует законность, а каждый человек обладает свободой, необходимой и достаточной для того, чтобы «распоряжаться как ему угодно своей личностью, своими действиями, владениями и всей своей собственностью в рамках тех законов, которым он подчиняется и, таким образом, не подвергаться деспотической воле другого и свободно следовать своей воле» [4, с. 293].

Рассматриваемые идеи получили свое юридическое оформление в одном из самых ранних конституционных документов — английском Акте о лучшем обеспечении свободы подданного и предотвращении заточения за морями 1676 г., известном как Хабеас корпус акт. Наряду с Биллем о правах 1689 г. он стал документом, впервые закрепляющим широкий круг прав и свобод и устанавливающим всеохватывающую для своего времени систему их юридических гарантий. Историческое значение Хабеас корпус акта состояло в том, что он не только обеспечил право на неприкосновенность личности, установив гарантии защиты от незаконного ареста, задержания, а также иных ограничений личной неприкосновенности, но и предусмотрел независимость судебной власти, без чего сами эти гарантии не были бы достаточно эффективными [17, р. 197]. Подданными британской короны независимые суды с тех пор воспринимались в качестве краеугольного камня, на котором зиждется конституционный правопорядок. Вот почему любые попытки ограничить независимость судебной власти вызывали в обществе самый решительный отпор. Так, одной из главных причин Славной революции 1688 г. стали попытки короля Якова II при поддержке лорд-канцлера Дж. Джеффриса влиять на приговоры, выносимые судами [18, р. 260–262].

Мощным стимулом конституционного закрепления концепции взаимоотношения власти и личности в странах Европейского континента стали события конца XVIII и первой половины XIX вв., — прежде всего Великая французская революция и революции 1848 г., положившие конец абсолютизму и утвердившие народовластие, пусть еще в достаточно несовершенно виде. Данные процессы сделали неизбежным замену множества восходящих к средневековому обычному праву и нередко противоречивших друг другу законов, регулировавших организацию верховной власти, едиными конституционными актами, представлявшими собой сравнительно небольшие по объему тексты, имеющие логически последовательную и непротиворечивую внутреннюю структуру (примерами чему могут служить уже первые французские конституции 1791, 1793 и 1795 гг.).

В этих конституциях проявилось присущее континентальному, романо-германскому праву стремление к систематизации юридических норм в рамках единого кодифицированного акта, каковыми являлись европейские конституции. Подобный подход кардинально отличался от англосаксонского института «неписаной конституции»,

вызванного к жизни в специфических условиях прецедентного права. Данное различие проявилось уже на терминологическом уровне. А именно, если конструкция правового государства (Rechtsstaat), получившая распространение в странах континентальной Европы и в России, предполагает конституционное закрепление понятия признаков и полномочий государства, то англо-американская доктрина правления права (the rule of law) видит в праве внешний по отношению к государству фактор, ограничивающий его властные прерогативы [1, с. 105; 3, с. 12].

В любом случае, исторический опыт и практика свидетельствуют о многообразии путей и направлений движения к утверждению конституционных прав личности в различных обществах. Во всемирно-историческом плане оно соответствует многовекторности эволюции человеческих сообществ, каждое из которых (при всем закономерном несходстве конкретных условий развития) движется к одной и той же общей для всего человечества цели, а именно к достижению максимально возможной свободы в общественной, в том числе в политико-правовой, жизни [22, р. 28].

Мультилинейность и вариативность исторического процесса не только не препятствуют, но, напротив, способствуют достижению указанной цели, позволяя выработать для этого оптимальные в соответствующих социальных и культурных условиях средства. Последнее определяется особенностями политической жизни общества, его социально-экономическим устройством, историческими и культурными традициями, в частности, укорененным в данной культурной среде отношением к праву и правам человека. Важно подчеркнуть, что в каждом конкретном обществе существуют свои объективные предпосылки, закрепляемые в конституционном акте. Именно поэтому конституция, сколь бы совершенными образцами ни руководствовались ее создатели, не может находиться выше социальных факторов, обуславливающих ее действие.

В частности, невозможно подходить к социальным порядкам, лежащим в основе конституционного строя и определяющим концепцию взаимоотношения власти и личности, с внеисторическими мерками. Конкретные представления о сущности человека, равно как и набор прав и свобод, соответствующий этим представлениям, видоизменяются на разных ступенях развития общества. Есть основания утверждать, что под воздействием культурного и экономического прогресса расширяется и круг правовых притязаний личности, юридически оформляемых в конституционных правах и свободах. Особого внимания заслуживает антропологический фактор эволюции прав и свобод, который в последние годы (в свете фундаментальных положений постклассического правопонимания) привлекает к себе все большее внимание юристов [15, с. 391].

Его роль в формировании (конструировании) социальной реальности трудно переоценить. Формируя структуры человеческого сознания, социальная реальность как совокупность объективных условий сама испытывает воздействие со стороны этих структур, имеющих универсальный характер. Это позволяет видеть в них причину процессов социокультурной эволюции [19; 20, р. 161]. В частности, одним из важнейших инструментов конструирования социальной реальности служит язык, представляющий собой, в широком смысле, упорядоченную последовательность знаков и правила ее организации. Система таких правил (именуемая грамматикой) обладает способностью к самопорождению.

Как показал американский лингвист Н. Хомский, в основе любых конкретных грамматик лежат универсальные синтаксические структуры, укорененные в психофизиологических способностях («компетенциях»), присущих любому человеку [12, с. 412–457]. Более того, в литературе высказывалась небезосновательная гипотеза, что теми же правилами определяется кодирование не только социокультурной информации в человеческом языке, но и информации биологической в молекулах ДНК, представляющих собой элементарный аналог биохимического «языка». Таким

образом, кодирование информации на основе самогенерирующейся системы правил выступает стимулом не только социальной, но и биологической эволюции [16, с. 39]. Из сказанного с неизбежностью напрашивается вывод о том, что человеческое существо во всем многообразии его потребностей и интересов, легитимируемых в конституционных правах и свободах, представляет собой сложное переплетение всеобщих (общечеловеческих), особенных (социокультурных) и индивидуальных характеристик. Учет этих характеристик в их единстве и многогранности представляет собой первоочередное требование к концепции взаимоотношения власти и личности, о которой идет речь.

Перечисленные обстоятельства, лежащие в плоскости самой социальной реальности, должны находить адекватное отражение в тексте конституции. Иначе разрыв между конституционной нормой и реальной правоприменительной практикой, или, иными словами, между «формально-юридической» и «фактической» сторонами конституции [5, с. 2–4], станет причиной ее чисто декларативного характера, оказывающего лишь самое поверхностное воздействие на складывающиеся отношения. Во многом это актуально и для современной России, поскольку положения Основного закона не в полной мере находят свое юридическое воплощение в правовой системе, а правовая система, в свою очередь, не отвечает вызовам развития современного общества.

Отмеченный разрыв между конституционной нормой и социальной практикой особенно наглядно проявляется в закреплённых Основным законом базовых характеристиках государственной власти. Уже в п. 1 ст. 1 Конституции РФ установлено, что Российская Федерация является демократическим правовым федеративным государством с республиканской формой правления. Носителем суверенитета и единственным источником власти в России признается ее многонациональный народ (п. 1 ст. 3). Приведенные положения, касающиеся основ конституционного строя, согласно ст. 135 Конституции, не подлежат пересмотру иначе, как путем созыва Конституционного Собрания и принятия нового Основного закона. Между тем существует немало примеров того, как даже базовые нормы подвергаются имплицитной трансформации посредством доктринальных интерпретаций. Комментируя такие, далеко не всегда корректные, интерпретации Основного закона, С. А. Цыпляев отмечает: «Каждый, кто предлагает смести действующую конституцию и начать с чистого листа, должен спросить себя: уверен ли он, что удастся удержать заявленный в конституции объем прав и свобод под натиском сторонников авторитарной модели, объем полномочий местного самоуправления и регионов под натиском адептов централизации?» [13, с. 24].

Хрестоматийным примером является положение п. 4 ст. 15 Конституции, в соответствии с которым общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Таким образом, Основной закон закрепляет примат международного права над нормами национального законодательства. Эта недвусмысленно сформулированная норма в последние годы вызывает оживленные дискуссии в юридическом сообществе. Наибольшей остротой при этом обладает вопрос: распространяется ли примат общепризнанных принципов и норм международного права на положения самой Конституции или же его следует трактовать ограничительно, полагая, что международное право имеет верховенство в отношении любых отраслевых законов, но не в отношении Основного закона.

Последовательным сторонником данной точки зрения является, в частности, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин, по словам которого: «Принципы государственного суверенитета и верховенства Конституции в правовой системе России относятся к основам ее конституционного строя... Кон-

ституция в ст. 15 устанавливает приоритет международного договора над положениями закона, но не над положениями Конституции» [2]. На сегодняшний день такой подход поддерживается значительной частью ученых и практикующих юристов. По сути, однако, остается открытым вопрос: если на положения Конституции не распространяется общее правило о примате международного права, чем тогда регламентируется и упорядочивается суверенная воля государства, базирующаяся на конституционных нормах?

На данный вопрос нередко отвечают, что сама же Конституция Российской Федерации, устанавливая широкий круг основных прав и свобод человека и гражданина, гарантирует и защищает личность от произвола со стороны государства. Речь идет, таким образом, о своеобразном «самоограничении» государственной власти, добровольно принимающей на себя обязательства признавать, соблюдать и защищать права и свободы личности [7, с. 177–178]. Приходится, однако, констатировать, что концепция «самоограничений» государства, устанавливаемых его Основным законом, не только сталкивается с целым рядом доктринальных трудностей, преодолеть которые ее сторонники оказываются не в состоянии, но и — в силу своей внутренней противоречивости — оказывается неэффективной при решении проблем, возникающих на практике.

В этом смысле вполне резонной представляется позиция А. В. Полякова, писавшего: «Проблема самоограничения власти не имеет отношения ни к суверенитету, отождествляемому с силой, ни к суверенитету, отождествляемому с правом. Самоограничение (самообязывание) в одном случае означает подчинение общим правилам, установленным извне (международным сообществом), в другом случае это означает подчинение собственным правилам, не опирающимся на внешнее признание. И в том, и в другом случае субъект (как физическое лицо, так и государство) имеет фактическую возможность нарушить взятое на себя обязательство, т. е. продемонстрировать тот вариант „суверенитета“, который отождествляется с силой как фактической возможностью действовать по собственному произволу. Но как в случае с физическим лицом, так и в случае с государством, действия, нарушающие установленные нормы, будут восприняты членами правового сообщества как правонарушение и будут являться основанием для применения ответных действий» [9, с. 314–315].

Многие из проблем, актуальных в настоящее время, обусловлены наличием «зазора» между буквой и духом Основного закона, с одной стороны, и тенденциями правоприменительной, а также судебной практики, с другой стороны. Противоречия в данной области влияют на реализацию важнейших прав и свобод человека, в том числе естественных прав, лежащих в основе всей правовой системы. Так, в ст. 23 Конституции установлено право каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, ограничение которого допускается только на основании судебного решения.

Данное право предполагает недопустимость прослушивания телефонных переговоров, вскрытия почтовых сообщений, а также совершение иных действий, нарушающих указанное право. Любые ограничения права на тайну переписки возможны лишь на основании решения суда, принятого в установленном законом порядке. Однако в соответствии с п. 3 ст. 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» установлено, что в случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, допускается прослушивание телефонных и иных переговоров с обязательным уведомлением суда либо судьи в течение 24 часов¹.

¹ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В ред. Федерального закона от 06.07.2016 № 374-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 2016. № 28. Ст. 4558.

Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с изъятием из положения общей конституционной нормы, вводимым специальной нормой Федерального закона в целях предотвращения наступления тяжких общественных последствий. Неизбежность таких изъятий кажется очевидной, равно как и очевидно существование подобных чрезвычайных норм в законодательствах других стран. Тем не менее остается вопрос, являющийся камнем преткновения в ведущихся дискуссиях: насколько допустимо, пусть даже и в общественных интересах, предусматривать подобные законодательные изъятия из положений Конституции, являющейся Основным законом, обладающим высшей юридической силой и прямым действием. Однозначного ответа на данный вопрос пока нет и, скорее всего, не появится в обозримом будущем.

Особенно наглядной в данной связи является и другая коллизия, приобретающая актуальность в свете формирования в России институтов информационного общества. Часть 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции устанавливают право на тайну личной жизни. В числе иных личных прав и свобод оно гарантировано Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 от 04. 11. 1950 г., ратифицированной Федеральным законом от 30.03.1998 № 54-ФЗ¹. Согласно ст. 8 данной Конвенции каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Среди прочего право на тайну личной жизни предполагает недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия. Данное право является незыблемым и охраняется всеми правовыми средствами, доступными государству. Однако в современных условиях распространение информации, в том числе имеющей конфиденциальный характер, в социальных сетях, а также в сети Интернет, без согласия человека, приобретает все более неконтролируемый характер, что создает серьезную угрозу праву на неприкосновенность и тайну частной жизни.

К сожалению, пока не выработано эффективных правовых средств, способных противодействовать нарушению данного права. «Право на забвение» как один из механизмов сохранения конфиденциальности частной жизни пока не получило активного распространения и судебной защиты, хотя судебная практика Европейского союза включает в себя ряд знаковых решений по делам, рассматривавшимся в последние годы. В частности, Европейский суд по правам человека, закрепивший и гарантировавший «право на забвение» рядом своих решений (*MM vs United Kingdom*, *Google vs Spain* и др.), пытается сформулировать критерии для нахождения оптимального баланса между интересами индивида, обладающего правом распоряжаться личными данными, и общественными интересами, которым, безусловно, отвечает требование свободного доступа к информации [21]. Тем не менее, несмотря на все усилия, пока не найден баланс между правом каждого человека на ограничение распространения информации, касающейся его личной жизни, и правом на получение достоверной информации, а также свободой слова, гарантированным конституцией. В частности, серьезной проблемой остается возможность злоупотребления правом на забвение, сохраняющаяся в ситуации отсутствия четких представлений о личной информации, доступ к которой индивид не может ограничивать в общественных интересах.

¹ СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

В качестве иллюстрации приведем показательную статистику запросов Google за 2014–2017 гг. Из более чем 2,5 млн запросов, отправленных в период с 2014 по 2017 г., критериям на удаление соответствовали только 43%. Подавляющее большинство обращений (89%) исходило от частных лиц, однако были и запросы от публичных персон и политиков. 15% всех запросов исходило от 0,25% заявителей. Обусловлено это тем, что за многими из этих людей стоят юристы и организации по управлению репутацией, представляющие интересы других людей. Если же разбирать, что именно просили удалить из поисковой выдачи, то в 31% случаев это персональные данные в соцсетях и справочных сервисах, а в 21% — юридическая история заявителя на новостных и правительственных сайтах. Чаще всего правом на забвение пользовались жители Германии, Франции, Италии и Великобритании. Так, во Франции и в Германии особо распространенной мерой было удаление информации из соцсетей и справочников, в то время как в Италии и Великобритании — с новостных сайтов.

С 1 января 2016 г. в России вступил в силу Федеральный закон от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации и информационных технологиях и о защите информации“ и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»¹. Этот закон обязывает поисковые системы по заявлению гражданина и без решения суда удалять из результатов поиска ссылки на незаконную, недостоверную или неактуальную информацию о заявителе. За время действия закона Яндекс получил более 3600 обращений от 1348 человек. Распределение обращений по темам показано на рис. Не ставя под сомнение значимость рассматриваемого Федерального закона, целиком лежащего в русле законодательной, правоприменительной и судебной практики Европейского союза, отметим, что в России его последовательное применение в настоящий момент остается невозможным из-за отсутствия необходимой для этого нормативной базы [8].

Даже самый беглый анализ решений, вынесенных российскими судами, свидетельствует об их неоднозначности, обусловленной отсутствием единообразной судебной практики. В частности, по словам А. А. Чеботаревой: «При реализации норм законодательства, регулирующего соответствующие информационные отношения, данные нормы пока еще неоднозначно воспринимаются всеми участниками судебных процессов, что видно, к примеру, при решении вопроса об обязательности либо нет стадии досудебного урегулирования споров по делам данной категории» [14, с. 99].

Из сказанного напрашивается следующий вывод. По мере развития современного российского общества (в целом следующего общечеловеческим тенденциям) расширяется сфера индивидуальной свободы, на которую распространяется суверенитет личности. Это личное пространство (privacy) индивид вправе защищать любыми не запрещенными законом средствами. Одним из таких средств защиты является возможность ограничить или воспретить доступ к любой информации о человеке, его личности, частной и семейной жизни, входящая в содержание так называемого «права на забвение». Вместе с тем отсутствие действенных механизмов защиты (в том числе судебной) «права на забвение», равно как и отсутствие четких представлений о его пределах, препятствуют реализации данного права, остающегося скорее доктринальной категорией, чем реальным компонентом правовой действительности.

Представляется, что феномен «права на забвение» требует более глубокого изучения, способного не только повлиять на его законодательное регулирование, но и существенно скорректировать саму конституционную концепцию взаимоотношений власти и личности, являвшуюся предметом рассмотрения в настоящей статье.

¹ СЗ РФ. 2015. № 29. Ч. 1. Ст. 4390.

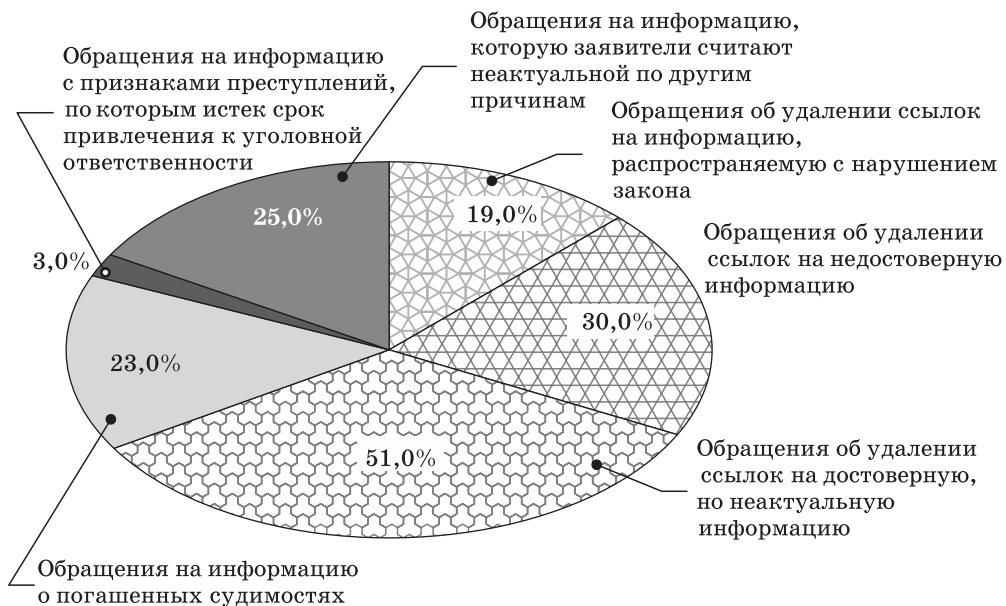

Рис. Распределение запросов на удаление информации о заявителе в Яндекс
 Fig. Distribution of requests to delete applicant information in Yandex

Литература

1. Арановский К. В., Князев С. Д. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений. М. : Проспект, 2016.
2. Зорькин В. Д. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. № 5325 (246).
3. Козлихин И. Ю. Право и политика // Козлихин И. Ю. Избранные труды. М. : Юридический центр-пресс, 2012. С. 7–194.
4. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Соч. В 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–405.
5. Макушин А. А. Сущность конституции // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 6. С. 2–4.
6. Монтескье Ш.-Л. О духе законов // Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. С. 159–730.
7. Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 1. Государство. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : НОРМА, 2007.
8. Пашенко И. Ю. Проблемы нормативного регулирования «права быть забытым» в сети интернет // Евразийская адвокатура. 2016. № 3. С. 106–113.
9. Постклассическая онтология права : коллективная монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2016.
10. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М. : Наука, 1969. С. 151–256.
11. Титова Е. В. К вопросу о конституционно-правовой концепции взаимодействия государства и человека // Lex Russica. 2018. № 11. С. 69–82.
12. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 2. М. : Издательство иностранной литературы, 1962. С. 412–527.
13. Цыпляев С. А. Конституционная реформа в Российской Федерации: за и против // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 1 (1). С. 23–31.
14. Чеботарева А. А. Развитие правоприменительной практики в области правового обеспечения информационной безопасности личности (на примере реализации «права на забвение») // Успехи современной науки и образования. 2016. № 11. Т. 4. С. 97–100.
15. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб. : ИД «Алеф-Пресс», 2012. 650 с.

16. Эбелинг В., Энгель А., Файстель Р. Физика процессов эволюции. М. : УРСС, 2001.
17. Dicey A. V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. 8th ed. London : Macmillan, 1931.
18. Harris T. Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720. London : Penguin Books, 2006.
19. Hayek F. A. Sensory Order: an Inquiry into the Foundation of Theoretical Psychology. Chicago : The University of Chicago Press, 1963.
20. Hayek F. A. Studies in Philosophy, Politics and Economics. Chicago : The University of Chicago Press, 1967.
21. Myjer E., Kempees P. Lord of the cloud. The right to be forgotten; or, how the Internet raises new human rights questions and how one of them was recently answered by the Court of Justice of the European Union in Google vs Spain // Mélanges en l'honneur de = Essays in honor of Dean Spielmann. Oisterwijk : Wolf legal publishers, 2015. P. 411–427.
22. Steward J. H. Theory of Cultural Change. 2nd ed. Urbana : Universitet of Illinois Press, 1979.

Об авторах:

Мерешкин Дмитрий Евгеньевич, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук; mereshkin-de@ranepa.ru

Разуваев Николай Викторович, заведующий кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного института управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук; nrasuvaev@yandex.ru

References

1. Aranovsky K. V., Knyazev S. D. Rule of Law and the Rule of Law in the correlation of signs and meanings. M. : Prospect, 2016. (In rus)
2. Zorkin V. D. Limit of acquiescence // Russian newspaper. 2010. N 5325 (246). (In rus)
3. Kozlikhin I. Y. Law and Politics // Kozlikhin I. Y. Selected works. M. : Legal Press Center, 2012. P. 7–194. (In rus)
4. Locke J. Two treatises on government // Locke J. Essays. In 3 vol. M. : "Thought", 1988. V. 3. P. 135–405. (In rus)
5. Makushin A. Essence of the Constitution // Constitutional and municipal law. 2005. N 6. P. 2–4. (In rus)
6. Montesquieu S.-L. On the spirit of the laws // Montesquieu S.-L. Selected works. M. : State Political Publishing, 1955. P. 159–730. (In rus)
7. General theory of state and law. Academic course: in 3 vol. / ed. by M. N. Marchenko. V. 1. State 3rd ed. M. : NORMA, 2007. (In rus)
8. Pashchenko I. Problems of normative regulation «right to be forgotten» on the Internet // Eurasian law school. 2016. N 3. P. 106–113. (In rus)
9. Postclassical ontology is right. Collective monograph / ed. by I. L. Chestnov. St. Petersburg : Aleteia, 2016. (In rus)
10. Russo J.-J. On a social contract, or the principles of political law // Russo J.-J. Treatises. M. : Science, 1969. P. 151–256. (In rus)
11. Titova E. V. To the question of the constitutional and legal concept of interaction between the state and man // Lex Russica. 2018. N 11. P. 69–82. (In rus)
12. Homsy N. Syntax structures // New in linguistics. Vol. 2. M. : Foreign Literature Publishing House, 1962. P. 412–527. (In rus)
13. Tsyplyaev S. A. Constitutional reform in the Russian Federation: for and against // Theoretical and applied jurisprudence. 2019. N 1 (1). P. 23–31. (In rus)
14. Chebotareva A. Development of law enforcement practice in the field of legal security of the individual (on the example of the implementation of the «right to be forgotten») // Advances in modern science and education. 2016. N 11. V. 4. P. 97–100. (In rus)
15. Chestnov I. L. Post-classical theory of law. St. Petersburg : Aleph-Press, 2012. (In rus)
16. Ebeling W., Engel A., Faistel R. Physics of evolution processes. M. : URSS, 2001.
17. Dicey A. V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. 8th ed. London : Macmillan, 1931.
18. Harris T. Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720. London : Penguin Books, 2006.

19. Hayek F.A. *Sensory Order: an Inquiry into the Foundation of Theoretical Psychology*. Chicago : The University of Chicago Press, 1963.
20. Hayek F.A. *Studies in Philosophy, Politics and Economics*. Chicago : The University of Chicago Press, 1967.
21. Myjer E., Kempees P. Lord of the cloud. The right to be forgotten; or, how the Internet raises new human rights questions and how one of them was recently answered by the Court of Justice of the European Union in Google vs Spain // *Mélanges en l'honneur de = Essays in honor of Dean Spielmann*. Oisterwijk : Wolf legal publishers, 2015. P. 411–427.
22. Steward J.H. *Theory of Cultural Change*. 2nd ed. Urbana : Universitet of Illinois Press, 1979.

About the authors:

Dmitriy E. Mereshkin, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence; mereshkin-de@ranepa.ru

Nikolay V. Razuvaev, Head of the Chair of Civil and Labor Law of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Law; nrasuvaev@yandex.ru